

Стратегии реконцептуализации истины: набросок одного конфликта

Научный руководитель – Кузнецов Василий Юрьевич

Крымский Дмитрий Михайлович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: krymtych@ya.ru

И вновь говорят об истине. Или, возможно, этот разговор никогда и не прекращался. Если истина не оказывается с безразличием оставлена; если истине отводится почетное место в наиболее громких проектах наших дней; если она все еще способна вызывать оживленные споры - если, чтобы сказать короче, речь об истине насквозь пронизана играми власти и желания, на то должны быть свои причины. Мысль продолжает кружить вокруг вопроса Пилата. Это значит, что то, что придаёт истине силу, не было во всеуслышание выявлено, раскрыто или разоблачено - истина истины не была схвачена. Если бы дело обстояло иначе, мышление могло бы направить свои ресурсы к другим рубежам, не закидываясь на том, что уже окончательно продумано.

История истины неотделима от истории попыток (всякий раз неудачных) схватить истину истины. Наша гипотеза состоит в том, что единственный шанс приблизиться к адекватному мышлению об истине (или, наоборот, исчерпанию последнего) лежит на пути прояснения условий невозможности этого мышления (вскрытия тех препятствий, которые лежат на его пути). Первым тактом в этом прояснении может быть обращение к некоторым актуальным стратегиям концептуализации истины. Необходимо отдать должное реальности речи и прислушаться к «говоримому» - увидеть, именем чего является истина. Можно было бы попытаться наметить контуры серии неудач, серии локальных манёвров, конституирующих пространство продумывания истины в современной философии, и линии тех многочисленных конфликтов и коопераций, в которые они вступают.

Однако не слишком ли быстро мы доверились языку, подбрасывающему нам формулировку «истина истины»? Не эвристичнее ли вовсе отказаться от использования этого плотно коннотированного и аффективно нагруженного слова («истина»)? Быть может, необходимо произвести предварительную дезинфекцию тех концептуальных ресурсов, при помощи которых мы намерены рассматривать заражённые истиной концептуальные построения? Однако такая политика не представляется нам удачной - в первую очередь потому, что такого рода отказ оставит нас с пустыми руками - слишком многие концептуальные механизмы и интеллектуальные сюжеты нуждаются в истине как детали, ресурсе или материи. Кроме того, перерезать концептуальное пространство, не оставив места истине, - значит оставить не распутанным клубок проблем, связанных с ней, и таким образом подвергнуть себя опасности возвращения вытесненного - встречи с теми же препятствиями в другом обличье. Лавировать между инерцией языка и работой по его очищению - судьба философии, и на этот раз мы делаем выбор в пользу первого.

Итак, попытки схватить истину истины. Однако являются ли они единственным способом выявить то, что придаёт истине силу? Разве нельзя использовать прямо противоположную тактику в поединке с ней - избличение не-истины истины? Здесь мы сталкиваемся с выбором между тавтологией и парадоксом [4]. Но не только. Мы имеем дело с двумя конкурирующими программами концептуализации истины - неожиданно для себя мы оказались в эпицентре одного из конфликтов, разворачивающихся сегодня вокруг

истины. Одна из сторон делает акцент на альянсе истины и бытия, другая - на ее отношениях с небытием. Начиная с «отставки истины», совершённой Ницше [6, 7], Фуко [9, 10], Деррида и многие другие осуществляли свою работу в русле второй из сторон, сводя истину к результату игры, противостояния, объединения, борьбы, компромисса между инстинктами, эффекту определённых отношений власти или работы текстуальных механизмов [3]. Другая сторона конфликта (Бадью [1], Мейясу [5], Брасье [2]) настаивает на необходимости продумывания истины в её автономности и несводимости к силовым или любым другим отношениям; истины как «Великого Внешнего».

Эта борьба, схождение двух макростратегий, их схватка в своём развёртывании конституирует пространство мышления об истине, или, по меньшей мере, один из способов, которыми это пространство открывается нашему взору. Поле мышления об истине, таким образом, предстаёт как пространство удерживания вместе, но разделёнными, двух конкурирующих программ - тавтологичной и парадоксальной. Возможно, для продумывания этого удерживания-вместе-разделёнными двух совпадений (парадокса как минимального проникновения и тавтологии как максимального прилегания), может оказаться сподручным концептуальный аппарат, предоставляемый коинсидентологией (проект Й. Регева [8]). Соответственно, можно попытаться осуществить коинсиденто-анализ тех способов, которыми истина задействуется в латентном производстве парадоксов и тавтологий, на примере построений Фуко и Мейясу.

Источники и литература

- 1) Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003.
- 2) Брасьер Р. То, чего нет: философия как сплетение истины и негативности // Stasis. ЕУСПб, 2013. No. 1. С. 188-202.
- 3) Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
- 4) Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. // Социологос. Выпуск 1. М., 1991. С. 91-104.
- 5) Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М., 2015.
- 6) Ницше Ф. Воля к власти. М., 2016.
- 7) Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. Собр. Соч. Пятый том. М., 2012. С. 231-385.
- 8) Регев Й. Коинсидентология: краткий трактат о методе. СПб., 2015.
- 9) Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2. М., 2005. С. 40-178.
- 10) Фуко М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970-1971 учебном году. СПб., 2016.